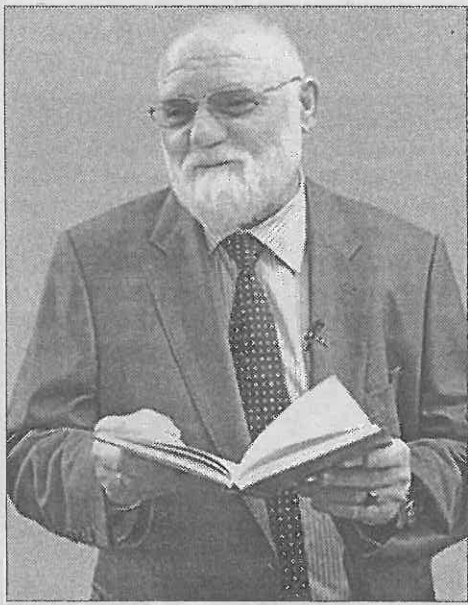

В. Т. Слипенчук - автор поэмы о Чингисхане

году. В 1964 г. он окончил Омский сельскохозяйственный институт и был призван в армию. Именно на армейской службе им создана поэма, за которую, по его словам, «сегодня не взялся бы ни за что».

После демобилизации В.Т. Слипенчук работает зоотехником, инспектором-организатором Рубцовского района Алтая, зоотехником госплемстанции по овцеводству края. В 1958 году он в соавторстве издал книгу «Бараны – производители Алтайского края», высоко оцененную академиком Д.К. Беляевым.

Наряду с основной работой молодой специалист занимается творчеством, участвует на совещании молодых писателей Урала и Сибири в г. Кемерово, семинаре Я.В. Смелякова. Известный поэт публикует его стихотворение «Барабанчик» в «Литературной России» с напутственным словом. В 1969-1971 гг. Виктор Слипенчук трудится редактором Барнаульской студии телевидения.

Затем он совершает крутой поворот в жизни, уходя в море матросом БМРТ «50 лет ВЛКСМ» Управления активного мор-

ского рыболовства порта Находка, в 1972-1974 гг. первым помощником капитана траулеров «Коммунист», «Надежинск», «Давыдов». В 1975-1976 гг. Виктор Трифонович работает инженером – рыбоводом Алтайской краевой рыболовной станции.

В 1976-1983 годы он вновь резко меняет поле деятельности. Его направляют плотником – бетонщиком Всесоюзной ударной комсомольской стройки Алтайского Каксохима, собственным корреспондентом газеты «Молодежь Алтая», «Писательского поста» на Каксохиме. Так В. Т. Слипенчук близко соприкоснулся с трудовыми буднями страны, увидел вблизи будущих героев своих произведений.

В 1983-1985 годах он являлся слушателем Высших литературных курсов при Литинституте. После завершения учебы В.Т. Слипенчук работает руководителем областного литературного объединения при газете «Новгородский комсомолец», директором Литфонда писательской организации области, редактором и ведущим радиожурнала «Литературный Новгород», главным редактором газеты «Вече».

В. Т. Слипенчук принят в члены Союза писателей СССР в 1982 году по рекомендации классика советской литературы Василия Быкова. Его произведения переведены на многие языки мира, изданы в Японии, Китае, Украине. Творчество писателя показано на книжных выставках в Лондоне и Франкфурте, Женевском книжном салоне, Фестивале русской культуры в Париже. По мотивам его романа «Зинзивер» шел спектакль «Роман без ремарок» на сцене Московского театра наций. За составление и издание сборника «В начале было Слово» В.Т. Слипенчук удостоился благодарности и благословения Патриарха Московского всея России Алексия II. В 2007 году его имя присвоено библиотеке с. Черниговка.

С 1996 года ученый зоотехник, поэт, писатель, общественный деятель живет и трудится в Москве и всецело занят творческой работой. Желаем ему здоровья и успехов в нелегком писательском труде!

Редакция.

Биография автора поэмы «Чингисхан» В.Т. Слипенчука своеобразна и богата событиями. Он родился в с. Черниговка Приморского края в 1941

МЕЧ НУКЕРА НА ЗАКАТЕ ОТТЕПЕЛИ

Поздняя осень 1964 года. В СССР близится к закату знаменитая общественно-политическая оттепель. В марте арестовали и осудили на пять лет за тунеядство поэта Иосифа Бродского. Почти в то же время, в апреле, Никита Сергеевич Хрущев посмотрел запрещенный «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен», откровенно антисоветский, точнее, высмеивающий советские порядки фильм, и... расхохотавшись, велел пустить картину в массовый прокат. В интеллигентской среде еще гуляло вольнодумство, а творческие люди торопились публиковать свои шедевры, пользуясь невиданным ослаблением цензуры.

Это было противоречивое время, над которым до сих пор спорят историки, культурологи, литературные критики. За два года до описываемых событий власти расстреляли демонстрацию рабочих в Новочеркасске. В 1963 году были подавлены стихийные бунты в Сумгаите и Кривом Роге. Отставка Хрущева состоялась едва ли не в те же осенние дни, когда молодой боец танкового батальона выписывал в помятой тетрадке первые строки своей первой поэмы.

**Всё тяжелее быть вождём,
Всё тяжелее бремя власти.
Цветущий город осаждён –
У стен сигнала ждём**

несчастье.

Писавшему эти строчки Виктору Слипенчуку исполнилось 23 года. Он родился в Приморье, в самом странном краю России, не то восточном начале Сибири, не то северном конце Маньчжурии. Не правильным было бы сказать, что здесь особенно сильно ощущается дыхание Востока с его тысячелетней историей, ибо трудно найти на карте великой Федерации место, где Восток дышит слабо. Разве что какой-нибудь еще более странный Калининград-Кёнигсберг да град Петра Великого могут посчитать Запад себе роднее звучания арабского Арбата или ордынского Ханского двора в Кремле.

И, тем не менее, Приморье – земля, видевшая чжурчженей, разбитых Чингисханом, и монголов, пришедших гарнизоном крепостей, строившихся с рубежа 13 века по всей северо-восточной окраине Юаньской империи для защиты не столько от восстаний местного населения, сколько от ожидавшейся (китайскими патри-

отами – с нетерпением) высадки свирепых самураев. Словом, места, где родился, рос и долгое время жил автор, не назовешь неинтересными в историческом плане, и совсем уж далекими от монгольского Востока – тоже. Потому ли, а быть может, по иной причине, начинающий танкист и чуть более опытный поэт обратился к теме Чингисхана. Именем основателя Великой Монгольской империи он и назвал свою поэму.

**Хан-Ханов – я! И перед взором
Моим трепещут города –
Лишь поведу перстом,**

и город

Падёт в руинах навсегда.

Неограниченное могущество всегда привлекает воображение молодежи и можно было бы ожидать, что творение, сочиненное в учебке танкового батальона, ограничится описанием этой всепокрушающей силы с небольшим нравоучительным пассажем ближе к концу, но нет. Раздумья Чингисхана о собственном величии, поднимаясь волной, неизменно разбиваются то об риф осознания зависимости от нужд своей же армии и своего народа, то об нависающую подобно скале мысль о бренности земной жизни.

Автор сумел вплести в ткань поэмы исторические факты интереса монгольского правителя к учению даосского монаха Чань Чуня, хорезмийской кампании и второго похода на Тангут. Реальные соратники и соперники Чингисхана населили стихотворные строки в образах шаманских видений и воспоминаний. Все это привнесло в поэму пульсацию Истории, а в некоторых местах – картины быта военного лагеря и отрывочные упоминания хо-

после первой публикации поэмы в России автора упрекнули за дважды упомянутые монгольские мечи вместо ожидаемых сабель, я вспомнил, какой неожиданностью в свое время для меня стали персидские и китайские миниатюры, изображающие монголов. Мне и раньше было известно, что монголы имперской эпохи активно использовали оружие покоренных народов, но удивил меня тот факт, что не менее десяти процентов изображенных монгольских воинов были вооружены прямыми клинками, то есть теми самыми мечами, отсутствие которых, напри-

мой свойственно предугадывать скрытое от взора современного человека. Всем любителям и профессиональным исследователям истории евразийских кочевников известен пример Льва Гумилева, историка и поэта, сына двух великих поэтов серебряного века. К слову, книги Гумилева с его трактовкой монгольских завоеваний в дни, когда писались строки поэмы Слипенчука, еще не были известны сколько-нибудь широкому кругу общественности.

Имя Чингисхана советским людям было известно из школьных учебников и романов Владимира Яна, где не так много можно было найти добрых слов в адрес основателя Монгольской империи. Труды Гумилева в какой-то степени пришлось ко двору только в период напряженных отношений СССР с Китаем. Необычный для тех лет «антикитайский» и «прокочевнический» настрой его трактовки, тем не менее, по вероятному замыслу разрешивших публикации, предназначался для достаточно ограниченного круга интеллигенции в соответствующих республиках и автономиях СССР и странах социалистического лагеря. В художественной же литературе для народных, так сказать, масс понятия «кровавый деспот», «иго» и подобные в ту пору, безусловно, довели, как будто пытаясь средневековыми отблесками заставить потускнеть более близкие по времени и месту события такого же, или многократно худшего ряда. До выхода в свет «Жестокого века» Исаия Калашникова оставались еще десятилетия. Теперь же, когда все больше читателей узнают о поэме, написанной в далеком 1964 году, в библиографию художественных образов эпохи Чингисхана добавлена новая страница. Может быть, та самая страница, которой недостает для выстраивания какой-то условной цепочки, линии развития, или чего-то подобного, без чего не обходятся исследования литературоведов.

Д.В. Цыбикдоржиев,
кандидат исторических наук.

зяйственно-культурных особенностей монгольских кочевников – оживили повествование реалиями ушедшей эпохи. Разумеется, мелкие детали не сделали произведение историко-этнографическим эссе, тем более, что автор на тот момент вряд ли знал о монголах намного больше средне-статистического начитанного выпускника советского вуза. Тем не менее, поэты иногда улавливают нечто, ускользающее от академического исследователя. Примеры тому бывают, и я сам с подобным сталкивался. Не отвлекаясь в сторону, упомяну об одном лишь мотиве, каким-то образом привлекавшем внимание критиков.

Случайно узнав о том, что

мер, в боевиках на соответствующую тематику, ныне считается аксиоматичным. Судя по материалам изобразительного искусства китайские, а возможно, также тангутские (тибетские) и кыргызские, мечи и палаши использовались монголами для боя с облаченным в доспехи противником. Прямой меч и палаш удобнее для поражения узких незащищенных доспехами мест. Так что легендарная сабля нарин матархай была не единственным клинком, сверкавшим в руке монгола на полях сражений от Индонезии до Венгрии.

Но живы ещё нукеры –

Не притупились мечи...

Повторюсь, что людям с поэтическим восприятием истории по-

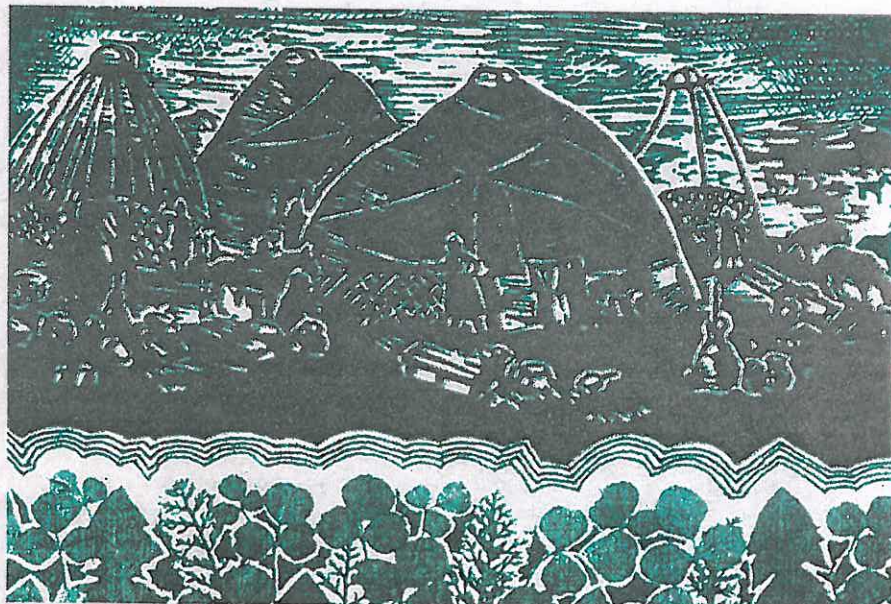
ВИКТОР СЛИПЕНЧУК
1965 год

ЧИНГИС-ХАН

ПОЭМА

Поэму «Чингис-Хан» я написал в Армии, в 1964 году, в «учебке», в сверхсекретном бронетанковом батальоне, в/ч 43064, а проиллюстрировал её мой однополчанин, художник 3-й роты Петя Кириллов. Его иллюстрации мне очень нравились, и я всюду их возил с собой, вывешивал на стенах в квартире в Рубцовке и Барнауле. Я думал, Петя станет художником, но он стал полковником.

Из-за переездов, довольно частых, линогравюры и поэму считал утерянными. И вот спустя сорок семь лет неожиданно наткнулся на них. Поэму поправил (что мог поправить) и решил опубликовать. Видит Бог, что сегодня за эту тему не взялся бы ни за что.

ГЛАВА 1

Всё тяжелее быть вождём,
Всё тяжелее бремя власти.
Цветущий город осаждён -
У стен сигнала ждёт несчастье.

Но, как всегда на склоне лет,
Душа не терпит суеты.
И от больших побед, как бед, -
Нам только пепел пустоты.

Каган задёрнул вход шатра,
Но нет, опять не смог уснуть.
Не смог дожидаться он утра,
Чтоб утром войско повернуть.

Он встал и вышел. Степь дремала.
Над юртами взошла луна.
И исподволь овладевала
Бескрайней степью тишина.

И только в башнях над стенами,
В отменных башнях Бухары
Купцы звенели стремями,
Готова ворогам дары.

И волчий вой стихал и где-то
Вновь восходил, рождая гнев, -
Шаман разгадывал приметы,
Ладони рук луне воздевал.

И мысли скользкие, как змеи,
Вдруг обжигали, словно плеть:
«Всё, чем сегодня я владею,
Преподнесла на блюде смерть».

Да, я монгол рыжебородый,
Да, вождь монголов — ханов Хан!
Со смертью повенчать народы -
Таков удел твой, Чингис-Хан.

«Да - только я, да - только я!
Пусть подтверждает каждый стон,
Что это вся земля моя,
Моя, как золотой Онон».

Каган смотрел на степь ночную,
Луна рососою умывалась...
«Поэтому ли я воюю?» -
Спокойствие не возвращалось.

«О, это духи, злые духи!» -
Вопросы множатся в мозгу
И, как навязчивые слухи,
Опережая мысль, бегут.

«О, духи, спорить не намерен,
Не для того я жизнь листаю. -
Не уподобился ли зверю,
Возглавившему волчью стаю?»

Хан-Ханов — я! И перед взором
Моим трепещут города -
Лишь поведу перстом, и город
Падёт в руинах навсегда».

А духи, рожи обнажив,
Хохочут и кричат: «Ты слаб
И потому ещё ты жив,
Что снова ты, как прежде, раб».

Ты раб рабов, всего дороже
Тебе кровавые пиры.
Ты войско повернуть не сможешь
От стен богатой Бухары.

Что можешь ты монголу дать,
Чтоб взял монгол в дорогу, —
Ни жать, ни сеять, ни пахать
Кочевники не могут?!

Ты с детства полюбил свободу —
Она в твоей крови.
Ты преподнёс её народу -
И взял, как дар любви.

Быть может, зря объединил
Степные племена?..»
«Но я их войнам не учил -
Учила всех война».

На теле шрамы от огня -
Жизнь грубого помола.
Монгол не полон без коня,
Конь жалок без монгола.

Я мудростью был одарён,
Той, что смиряет зло:
Монгол не будет покорён -
Пока под ним седло».

«Тогда ответь нам: в чём причина.
Что сам себе не мил, -
На курултае Темучина
В Чингиса обратил?»

Везде, где был ты и где не был,

Кровавый стелешь след.
Неужто вправду Сине Небо —
Источник всех побед?»

«Я вас узнал - гур-хан Джамуха
И Кокэчу шаман.
Вы облеклись в одежды духов,
А я — в духовный сан».

Ха, ха, ха, ха! Я всё могу,
Но никого не стерегу.

Зачем кого-то мне стеречь -
Для этой цели в ножнах меч».

Каган рванулся, среди юрт
Шарахнулся бараний гурт.

Заржали кони, и в тревоге
В зрачках умножилась луна -
Костры взметнулись над дорогой,
И пробудилась тишина.

И слышно было приближённым:
«Чего ты хочешь? Что ты ждёшь?
Ты не боишься быть сражённым?
Зачем на Бухару идёшь?!»

«Падёж скота, мы ждём огня?!
В кибитках снова голод.
Монгол не полон без коня,
Конь жалок без монгола».

Слова, что в горле застревали,
Каган рукой сминал.
Они в душе его звучали -
Он сердцем их узнал.

Воитель был простым монголом,
А Чингис-Хан - как Бог.
«Как победить монголу голод?» -
Воитель пал у ног.

И словно бы в безумстве гнева -
Менкэ-Кеке-Тенгри *!
Каган рождён от Сине Неба.
Синь Неба, говори:

«Пора со двора Бухары
Вывести всех коней.
Смешаем с кровью людей
Её златые дары».

Кочевники — не китайцы,
Приемлют сырую пищу.
Каган загибает пальцы -
И скоро осилит тыщу».

* Менкэ-Кеке-Тенгри - Вечно Синее Небо. (Чингис-Хан искренне верил в своё происхождение от Вечно Синего Неба.)

ГЛАВА 2

Кровавый всплывал рассвет,
И облаком раскалённым
Томился небесный свет
Над Бухарой осаждённой.

А в Бухаре на площади,
Там, где стоит мечеть,
Визирь восседал на лошади,
От страха утратив честь.

Буйствовало малодушие —
Мяло старейшин бороды.
Трусость рядилась в радушие —
В доблесть знатного города.

Багрянились белые стены,
В безволии мнилась кротость,
Сторонниками измены —
Настежь раскрылись ворота.

Вышли к Царю купцы,
Дарами злата звеня,
И падали, как глупцы,
К копытам его коня.

А он на своём саврасом,
А он в одежде простой
Въехал в обитель Аллаха,
Словно к себе домой.

Взойдя наверх, на площадку
Главного минарета,
Крикнул теснившимся воинам:
«Слушайте, непобедимые!

Хлеба с полей сняты.
Желудки коней пусты.

Амбары, как ваши сны,
Зерна и вина полны.

Всё, что увидит глаз,
Ныне только для вас.

Берите богатства разные
Не в тягость военным дорогам.
Захват Бухары отпраздную
Вместе с исламским Богом».

Багрянец лежал на стене,
И тень от костра мешала
Увидеть, что это не отсвет,
А кровь на ней выступала.

Но окровавленность стен
Песней была лишь встречена
Про голубой Керулен
И никем не замечена,

Кроме него, Кагана,
Вершителя всей Вселенной, —
Он видел, как над Кораном
Духи прошли сквозь стены.

«Что же, великий вождь,
Отверг золотые дары,
Желаннее золота — рожь
Поверженной Бухары?»

Желаннее смеха - плач,
Желаннее встреч - разлука,
Поведает пусть палач,
Где — побратим Джамуха?

Где - названный твой отец,
В собольей дохе Ван-Хан,
В чем сила твоя, хитрец,
По имени Чингис-Хан?

О, как на пиры скоры!
О, скудная жизнь людская!
Устои её потрясая,
Гибнет народ Бухары».

Слушал их Вождь-Вождей,
И мысли его мutilились,
И в красной, как медь, бороде
Пальцы едва шевелились.

«Сила моя в доверии,

Пусть каждый помнит о том —
Нельзя никому в империи
Иметь монгола рабом,

Иметь монгола слугою —
Державы в его руке.
Я правлю его рукою,
Монголы - народ кекэ**».

Доспехов кожаный ворот,
Кольчуга, стрела и лук.
Гибнет прекрасный город,
Город книг и наук.

ГЛАВА 3

Каган ушёл из Бухары —
Неволила душа.
Дымились смрадные костры —
Знамёна грабежа.

Но вновь вернулась жизнь в улус —
Предотвращён падёж.
Бухарец - зло, бухарец - трус,
С ним в битве пропадёшь.

Пусть погибнут на меже
Предатели эмира.
Никто их не спасёт уже —
Идёт Властитель Мира.

Неотвратимый, как беда,
Идёт. И, взор лаская,
Идёт за ним его Орда,
Навеки Золотая.

И никнет всё живое вслед,
И ветер гонит пепел.
И ныне слава тех побед
Ещё волнует степи.

Пал Самарканд и Мевр,
Пал Герат без осады.
Главный монгольский нерв
В Индию вёл отряды.

Мнилось, застыло время —
Духи о нём забыли.
Но прорастало семья,
Что они обронули.

Но прорастали боли,
Усталость сжимала грудь —
Тому, кто рождён на воле,
В неволе не отдохнуть.

Мир на коне возможно
Завоевать, друзья.
Но завоёванным миром
Править с коня нельзя.

И среди равнин и ущелий,
Засахаренных инеем,
Смял Каган Джелал-ад-Дина
И повернул из Индии.

Всё больше его тревожила
Угрюмая бесконечность
И словно коня треножила
На поле с именем «Вечность».

Всё больше глава клонилась
От непосильных дум.
Всё чаще столица снилась —
Город Каракорум.

Там, в Семиречье рек,
В обилии вод и хлеба
Будет жить человек —
Посланец Синего Неба.

О, Шамбала Семиречья,
Не сотвори кумира! —
Готов он от войн отречься
Ради земного мира.

Вольно, как Небо, жить,
Жизнь, увы, коротка.
Чтоб Сини Неба служить —
Надобно жить века.

И, вызвав к себе поэта,
Астролога Елюй Чучая,
Каган испросил совета
У мудреца Китая:

«Ты ведаешь звёзд движением —
В реках сделал часы,
Степные мои уложения
Вносишь в кодекс Ясы.

Когда мы стояли в верховьях
Чёрного Иртыша
И требовала здоровья
Наша святая душа,

Ты говорил, что слава
Рассеется, словно дым. —
Но постигнувший Дао —
Останется молодым.

Даосский монах Чань Чунь,
Из коренного Китая,
Увидеть его хочу —
Почувствовать, что он знает?!»

«Этот великий Чань,
Читающий книги древние.
Ищет таинственный Дао,
Дающий людям бессмертие».

«Я знаю, большие трудности
Здесь уготовил рок.
У истинной высшей мудрости
Столь же и Хан высок.

И если добился успеха
Чань Чунь у этого Хана,
Есть ли какие помехи
Порадовать Чингис-Хана!?»

**** Народ кекэ - самый первый из всех живущих на земле.**

ГЛАВА 4

Вечно Синее Небо...

Вьются горные тропы.
Резкий крик журавлиный
Эхом сорвался в пропасть.

И снова степные равнины,
Вытопанные поля,
Курлыканьем журавлиным
Оплакана здесь земля.

Коварство и алчность страха,
Яд и кривые ножи —
Царство Хорезмского Шаха
Пало от собственной лжи.

А там, где солнце вставало,
И там, где падало ниц, —
Империя простиралась,
Не ведающая границ.

Сделав приветственный круг
В токах осенней земли,
Птиц потянуло на луг,
И сели на нём журавли.

И вспыхнуло в войске смятение:
Топот коней и крик,
И в возгласах изумления
Явился монголам старик.

Великий Даосский монах,
Постигнувший сущность Дао,
На девяти журавлях
Привёз неземную славу.

И расступились воины.
И поднялась гора.
На пиках горело солнце,
Входящее в глубь шатра.

А следом старец великий,
При жизни ставший святым,
Шествовал многоликий,
В халате синем, как дым.

Туда, где в шатре златом,
Умолкли земные шорохи.
Где с чёрным, как ночь, лицом
Каган восседал на войлоке.

Как Бог окружён пространством —
Каган окружён молчаньем.
И странным было, и страшным
Немое его отчаянье.

Сомненье сквозило в глазах
И гасло в сугробах тьмы.
Он взвешивался на весах
Загубленными людьми.

И жизнь не казалась победной
И праздничной, как заря.
В природе ничто не бесследно,
В природе никто не зря.

И если кто-то осмелится
Чью-либо жизнь пресечь,
Тот с Каином лживым встретится,
И кровь превратится в желчь.

И он не умрёт, как прочие,
Он жизнь чужую впитал...
И видел Чань Чунь воочию,
Что Чингис-Хан страдал.

Философ присел на войлок,
Как повелел Каган,
А у шатра беспокойно,
Под бубен прыгал шаман.

И вдруг всё внезапно смолкло.
И сделалось войску знамение.
Ветер ударил мокрый.
И - солнечное затмение

Простёрло тучи-крыла
Над потемневшим шатром.
И в небе, как клекот орла,
Послышался дальний гром.

И словно жало кинжала,
Скользила по звонким ножнам
И бликами трепетала
Душа его обнажённо.

И Чань Чунь в удивлении,
Чувствуя свой предел,
В Божественном озарении
Как и все, онемел.

И лишь душа Чингиса
Страстно звала в тиши:
«Мудрец, есть ли лекарство
Для спасенья души?»

Для бессмертия тела,
Для бессмертья Орды?
Сделай лекарство, сделай,
Хан хочет быть молодым!

Хан хочет быть здоровым,
Иначе, какой же он Хан?
Хочу, чтоб над миром снова
Взвился монгольский аркан.

Иначе, иначе, духи...
Неужто они правы,
Что в Небе, после кончины,
Мне не сносить головы?

Кого могу обвинить?!»
Чань Чунь - похолодел,
Жизнь можно только продлить,
У жизни есть свой предел!

Величием знания гордый,
Тому, кто жаждал ответа,
Вымолвил Чань твёрдо:
«Нет! Бессмертия нету!»

Уж так повелось в народе:
Не так, как хотим, живём,
Не так, как хотим, ходим,
Но так же, как все, умрём.

Уж так повелось в народе:
Ночь - жаждущему огня,
Неволя — любящим свободу,
А монголу - коня».

Видел Чань Чунь не Хана —
Из-под тяжёлых век
Глядел на него заблудший,
Издёрванный человек.

Сидел перед ним старик,
Обманутый тщеславием.
Но был он во всём велик —
Даже в своём бесславии.

И вспомнил Чань Чунь: когда-то
В видении двух ветров
Он предпочёл не злато,
А пользу Главы Миров.

Пусть в мире едином будет
Единый и Царь-Царей.
Без войн обойдутся люди,
Без войн станет мир мудрей.

«Тебе знать, Каган, не лишне,
Что выбран и день, и час,
Когда призовет Всевышний
На Синее Небо нас.

Пред Ним мы предстанем вместе
Чтобы держать ответ:
Ты, как монарх, - наместник,
Я, как монах, — поэт».

ГЛАВА 5

Бегут, журчат года,
Полнеют воды Леты.
И с собой в никуда
Уносят наши рассветы.

Уносят былые мечты...
Года, как года, бегут.
И восковеют цветы,
Которые нам поднесут.

Мелеет река успеха.
Великий Даосский монах,
Как на почтовых, уехал
На девяти журавлях.

Полнеют воды Леты.
Бегут и бегут года
И уносят рассветы,
И не вернут никогда.

Всё чаще безбрежные мысли
Тревожили Чингис-Хана.
А где-то Русские гусли
Плакали песней Бояна.

С тех пор, как уехал мудрец,
Всё чаще приходят духи —
Пророчат скорый конец
И встречу с душой Джамухи.

Всё чаще страшат химеры,
Но жив ещё Темучин,
Но живы ещё нукеры —
Не притупились мечи.

И вновь среди юрт волнение —
Монголо-татарский народ
Третьего поколения —
Воинами в поход.

Туда, где Жёлтой рекой
Омыта страна Тангут...
Она ещё далеко —
Но монголы идут.

В лёгких кибитках едут,
Как за волной волна,
Они привезут победу —
Что на все времена.

Горят, горят города,
Селенья степные тают.
Идёт Золотая Орда
По выжженному Китаю.

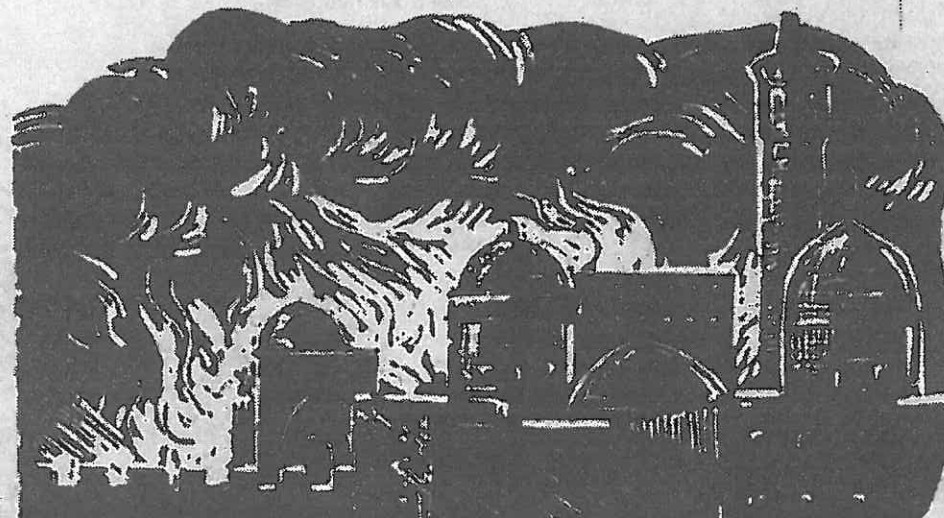
Идёт за волной волна —
Кровь, амуний запах.
Идёт на Восток война,
Но в страхе напрягся Запад.

И вот уж который день
Скрипят и скрипят повозки.
Но только ханская тень
Ближе, чем сам он войску.

Только его Яса
Изображает лик,
Уши его и глаза
И вещей его язык.

Не дав заняться восходу,
Предвидя свой смертный час,
Каган огласил народу
Свой последний приказ.

Чтобы к нему немедленно,
Покинув чужие края,
Прибыли бы, как велено,
Все его сыновья.

**ГЛАВА 6
(ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ
ТЕМУЧИНА)**

Духи, я вас ждал,
Надеялся, что придёте.
Многое я повидал
И знаю, вы всё поймёте.

Сегодня последняя ночь
Царствования Кагана,
Но не последняя ночь
Мчащегося урагана.

Когда-то давным-давно
Средь злых и диких людей,
Там, где течёт Онон,
Начал я жизнь в нужде.

Я смелым был и прилежным,
Весь в багатура отца.
А мир был вокруг безбрежным,
Жизнь не имела конца.

Я в юности понял цену
Дружбе и дисциплине,
Я смертью карал измену
И горечь утрат вынес.

Я понял, что людям нужен
Идол судьбы на земле,
Что чаще им тот и дружен,
Кто пребывает во зле.

Как Истинный Повелитель
Нарёк себя — Чингис-Хан.
Синего Неба воитель
Всегда презирал обман.

Готовя любое дело, -
Продумывал до конца.
Ценил я в монголе смелость —
И награждал храбреца.

Даже врагам-иноверцам
Я воздавал хвалу —
Стойкость храброго сердца
Не присягает злу.

А зло, когда празднуют труса —
Ташкент, Бухара и Нур...
От яда Отрарских укусов
Спас меня сын багатур.

Я позволил народу:
За девять смертных грехов
У ног положить свободу,
Живот свой - до потрохов.

Но никого не неволил
И на рожон не лез.
В монголе я видел волю,
Правду Сини Небес.

Любил я коней и сёдла -
И понял, что люди лживы —
Готовы пойти на подлость
Из-за ничтожной наживы.

Что жизнь земная брэнна.
У Неба иная статья.
Тот, Кто правит Вселенной, —
Несёт в себе благодать.

Бог един. И движенье —
Основа Его и твердь.
Предавшим Ясы уложенья —
Смерть!

Жизнь не купить за злато.
Увы, она коротка.
А мне казалось когда-то,
Что я буду жить века.

Я всё обратил в систему,
В свой белый хвостатый флаг.
Всю жизнь я решал дилемму —
Кто друг мне, а кто мне враг.

Несметно я крови пролил,
Но кровью не вдохновлял.
И опьяневших от крови,
Кровью врага исцелял.

Теперь не в силах я сам
Законы свои изменить.
В народ проросла Яса,

Её не искоренить.

О, если бы мог я, духи,
Вновь бы жизнь повторил!
И побратима Джамуху,
Дважды аньду, простил.

От жизни я брал немного...
Потомок богатырей!
Но много брала дорога,
Дорога Царя-Царей.

Я в узы себя заковал,
В оковах был в каждом дне.
Народу я потакал,
А он потакал мне.

Волчий вой по полям —
Безбрежен и одинок.
Что мне сказать сыновьям,
Народу у моих ног?!

Но тихо было повсюду —
Персидский ковёр пустовал,
И розовые сосуды
На землю рассвет проливал.

ГЛАВА 7

В полдень Каган очнулся,
Под веками жизнь тая,
Благостно улыбнулся,
Вокруг него — сыновья.

Мир и единое царство,
В котором, в основе основ,
Всемирное государство
Его и его сынов.

Всемирное царство - это
Возможность жить без войны.
Народы и вся планета —
Насельцы одной страны.

Теперь никто не посмеет
Отдать боевой приказ...
Как Синее Небо реет
Там, где Каган сейчас!

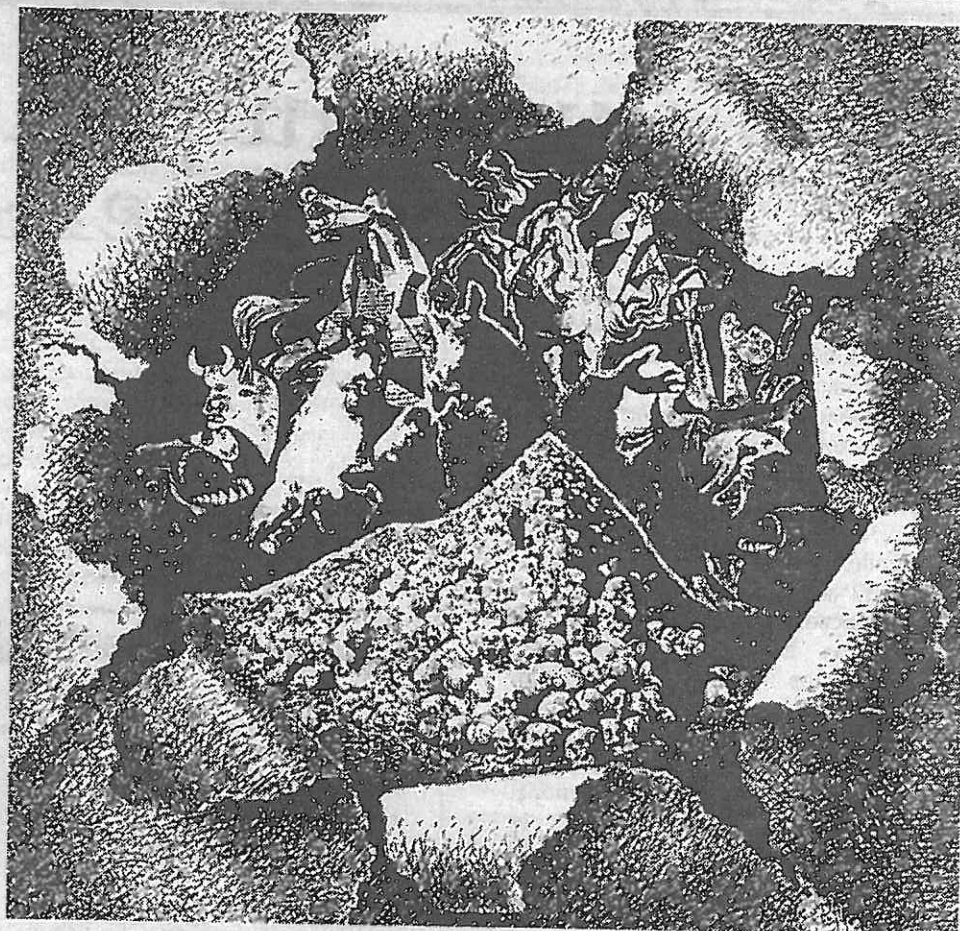
Он - сказочный предводитель —
На золотом коне,
Нойоны в имперской свите,
Сияющие в броне.

Как в детстве на Небе Синем
К победам ведёт народ.
Даосский монах в Иенпине,
В обители — у ворот.

Двойная свеча из воска —
Даосский старец Чань Чунь
Просит вернуться к войску,
Чтобы задуть свечу.

Астролог всех избегает
(Знаменья пяти планет),
Кагана увещевает,
Что счастья на Небе нет.

И вновь Темучин очнулся,
Храня неземной испуг,
Зачем он сюда вернулся?!
Сыны сидели вокруг.

Ни тени и сожаления,
А только животный страх
Им заменял уважение
Словно у росамах.

«Слушайте, я умираю,
Но уши мои и глаза —
Яса.

Слушайте, я умираю,
Я многое Вам дал.
Империю так разделите —
Как завещал.

Будьте во всём едины
И знайте, что только тогда
Никто вас не подомнёт —
Никогда.

Слушайте, я умираю,
Но до конца похода
Смерть сохраните в тайне —
От народа.

Слушайте, я умираю,
Но оседлайте коня —
Пусть грехи за убийства
Лягут впредь —
На меня.

Слушайте, я умираю,
Но слышу кедровый звон
И руки свои простираю
К тебе, дорогой Онон.

Слушайте, я умираю,
Как заповедал рок,
Спрячьте мои останки
В дебрях Делюн-Болдок.

Там я родился и вырос,
И голоден был, и гол,
А ставши Владыкой Мира,
Запомнил, что я монгол.

Что Вечно Синее Небо
Вершит свою круговерть.
Тому, кто Ясу нарушит, —
Смерть».

ГЛАВА 8

Повержен Китай. Победа
Праздновалась не броско,
Не было пышных обедов —
Назад повернуло войско,

Назад, в верховья Онона,
Где рыбой кипит вода.
Процессией похоронной
В Монголию шла Орда.

А в золочёном шатре
Звенела кольчуга вождя,

Словно листва в сентябре,
В холодных потоках дождя.

Кричали, взлетая, гуси,
Курлыкали журавли.
А где-то в небесном улусе
Ландыши расцвели.

Земля, земля под рукой!..
Взлетал над ней змеем ветер,
Каган, чей вечный покой
Оберегает кедр.

К нему заросли тропинки,
Уснуло глухое плато,
Но ранней весной льдинки
Звенят в его хвойных лапах.

И не спешит забвение —
Дыхание ветерка.
Божественное прозрение —
Божественная рука.

Божественная природа,
Божественный восход.
Нужен герой - народу,
А герою - народ.

Народу нужна фигура,
Что выше земных забот —
Песни про багатура
Поёт монгольский народ.

02.12.1964 г. Армия. Печи. БССР -
02.12.2011 г. Канны. Франция.

